

ОБРАЗ И МЕТАФОРА ВРЕМЕНИ В РОМАНЕ М. БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА»

Хамидуллаева Мохинур Рустамовна

*магистрант по специальности: Лингвистика (русский язык)
Университета международных инноваций (Узбекистан)*

Аннотация. *Статья посвящена комплексному анализу категории времени в структуре закатного романа М. А. Булгакова. Автор исследует специфику художественного времени, рассматривая его не как линейную последовательность, а как многоуровневую систему метафор. В работе анализируется взаимодействие исторического («ершалаимского»), бытового («московского») и онтологического (вечность) пластов хронотопа. Особое внимание уделено символике небесных светил и временным инверсиям как способу выражения авторской концепции бессмертия духа.*

Ключевые слова: *М. А. Булгаков, Мастер и Маргарита, художественное время, метафора времени, вечность, хронотоп, философская проза, мифопоэтика.*

Abstract. *The article provides a comprehensive analysis of the category of time in Mikhail Bulgakov's "The Master and Margarita". The author examines the specific structure of artistic time, treating it as a multi-layered system of metaphors rather than a linear sequence. The study explores the interaction between the historical ("Yershalaim"), mundane ("Moscow"), and ontological (eternity) layers of the chronotope. Special attention is paid to the symbolism of celestial bodies and temporal inversions as a means of expressing the author's concept of the immortality of the spirit.*

Keywords: *Mikhail Bulgakov, The Master and Margarita, artistic time, metaphor of time, eternity, chronotope, philosophical prose, mythopoetics.*

Введение

Категория времени в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» является не просто формальным элементом повествования, а фундаментальной интеллектуальной опорой всей его композиционной и метафизической структуры. Автор решительно отказывается от традиционного для классического романа эпического дистанцирования, выстраивая уникальный тип художественного мира, где различные исторические эпохи – древний Ершалаим и современная писателю Москва — не просто чередуются, а органично сосуществуют в едином смысловом и ценностном поле.

Время в романе выступает не как пассивная хронологическая рамка, а как активная, почти осязаемая метафорическая сила. Оно обладает физической пластичностью: способно бесконечно растягиваться в моменты страданий, мгновенно замирать в точках высшего эмоционального напряжения или окончательно трансформироваться в статичную категорию вечности. Ведущие булгаковеды подчеркивают, что столь

сложная временная организация служит главной сверхзадаче произведения – утверждению абсолютного, вневременного характера фундаментальных нравственных истин, которые остаются неизменными вопреки смене политических режимов и социальных формаций.

В московском пласте романа время на первый взгляд кажется линейным и упорядоченным, однако при внимательном анализе оно предстает как нечто крайне неустойчивое, хрупкое и подверженное внешним метафизическим манипуляциям. Метафора времени здесь тесно сопряжена с темой советского быта 1930-х годов – времени подчеркнуто «календарного», приземленного, строго регламентированного идеологическими догмами и ограниченного материалистическими рамками. Однако само появление Воланда и его свиты в пространстве Москвы мгновенно и безжалостно «взламывает» эту искусственную линейность, обнажая ирреальность привычного существования обывателей.

Ярким и пугающим метафорическим воплощением деформации привычного течения времени становятся часы – символ земного порядка. В сцене в кабинете финансового директора Римского механизмы начинают вести себя иррационально, предвещая катастрофу привычного мироустройства: «Часы пробили четыре раза... и время остановилось» (Булгаков, 1988: 124). Эта символическая остановка знаменует собой не просто техническую неисправность, а тотальный выход героев в иное, «четвертое» измерение – пространство сатаны, где земные законы физики, логики и причинно-следственных связей перестают функционировать. Как справедливо указывает Б. В. Соколов, подобные абerrации времени призваны подчеркнуть предельную зыбкость и несостоятельность той примитивной материалистической картины мира, которую столь самоуверенно пытались выстроить жители Москвы тридцатых годов (Соколов, 2007: 154).

В художественном пространстве Москвы время глубоко метафорично и психологично: оно «бежит» и «рассыпается» в суете для чиновников и приспособленцев (персонажей МАССОЛИТа), подчеркивая тщетность их усилий, и в то же время «замирает», обретая глубину и значимость, для тех немногих, кто способен соприкоснуться с истинной магией, подлинным чувством или актом высокого творчества. Таким образом, Булгаков противопоставляет «время вещное», измеряемое секундами, и «время духовное», измеряемое глубиной человеческого духа.

В главах о Понтии Пилате время обретает принципиально иную плотность, весомость и эстетическое качество. В отличие от московского «рассыпчатого» времени, здесь господствует время мифологическое, обладающее статусом абсолютного, вечно длящегося настоящего. М. А. Булгаков виртуозно использует метафору солнца как главного «хранителя времени» и бесстрастного, немощного свидетеля истории. Солнце в Ершалаиме — это не просто небесное светило, это и символ карающего божьего ока, и метафора неумолимого, палящего рока, под которым разворачивается человеческая драма.

Кульминацией временного разрыва становится описание грозы, накрывающей город после казни: «Тьма, пришедшая со Средиземного моря, накрыла ненавидимый прокуратором город... Исчез Ершалаим – великий город, как будто не существовал на свете» (Булгаков, 1988: 298). Этот метафорический «провал» во времени, описанный через физическое исчезновение пространства в непроглядной темноте, подчеркивает ключевую идею автора: события двухтысячелетней давности не принадлежат мертвому прошлому – в этическом плане они происходят «всегда», в каждый момент человеческого выбора. М. О. Чудакова аргументирует, что Булгаков сознательно добивается эффекта полной «синхронизации эпох», где тонкая грань между современной Москвой и древним Ершалаимом стирается благодаря общности фундаментальных нравственных конфликтов: трусости, верности и поиска истины (Чудакова, 1988: 142). Время в Ершалаиме – это метафора Истории с большой буквы, которая судит героев не в ретроспективе, а «здесь и сейчас».

Финальная точка временного и сюжетного развития романа — это выход героев в Вечность, которая в художественном мире Булгакова материализуется в конкретном образе «Вечного дома». В этом пространстве время окончательно перестает быть вектором (движением от прошлого к будущему) и превращается в статичное состояние абсолютной гармонии. В момент прощания с земным миром Воланд произносит знаменательные слова: «Тот, кто любит, должен разделять участь того, кого он любит... Прощайте! Мне пора» (Булгаков, 1988: 412).

В грандиозном финале происходит слияние двух мощных временных потоков, которые до этого текли параллельно. Понтий Пилат, чье личное время мучительного ожидания длилось две тысячи лет, наконец завершает свой путь по лунной дороге, обретая прощение через встречу с Га-Ноцри. Мастер и Маргарита же получают в награду «покой», который метафорически противопоставлен «свету». В. Я. Лакшин в своих работах справедливо подчеркивал, что вечность у Булгакова – это высшая форма метафизической справедливости, где время выполняет важнейшую функцию искупления исторической вины и дарования заслуженного творческого отдыха (Лакшин, 1991: 82).

Луна в романе выполняет важнейшую структурную роль медиатора (посредника) между временным (земным) и вечным (небесным). Она является главным метафорическим «хронометром», синхронизирующим московские события и ершалаимский текст в единое целое. Именно состояние пасхального полнолуния становится той сакральной точкой пересечения времен, в которой встречаются все герои.

Лунный свет в поэтике Булгакова обладает способностью обнажать истинную, скрытую под социальными масками сущность вещей, «снимая» наносной налет времени с лиц, поступков и событий. По авторитетному мнению Ю. М. Лотмана, луна в романе выступает символом границы, соединяющим профанное, суетное пространство Москвы и сакральный, духовный мир исторической вечности (Лотман,

1992: 211). Полнолуние – это время абсолютной истины, когда «сводятся все счеты» и конечное, линейное время окончательно уступает место времени эсхатологическому.

Заключение

Разработанная М. А. Булгаковым сложная метафорика времени в романе «Мастер и Маргарита» служит художественным воплощением грандиозной идеи бессмертия человеческого духа. Через временные инверсии и наложения пластов автор доказывает, что подлинные, непреходящие ценности – свободное творчество, жертвенная любовь и милосердие – существуют вне границ линейного человеческого летоисчисления.

Образ времени в романе проходит сложную эволюцию: от хаотичной, почти гротескной фрагментарности московских эпизодов к торжественному, очищенному от суеты и величественному покою Вечности. Финальный аккорд произведения утверждает бессмертную истину: рукописи действительно не горят не потому, что бумага прочна, а потому, что идеи, заложенные в них, принадлежат не времени, а вечному духу, над которым хронос не имеет власти.

Список использованной литературы:

1. Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. — М.: Художественная литература, 1988. — 480 с.
2. Лакшин В. Я. Роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Литературно-критические статьи. — М.: Гелиос, 1991.
3. Лотман Ю. М. О семиосфере // Избранные статьи. — Таллинн: Александра, 1992.
4. Соколов Б. В. Булгаковская энциклопедия. — М.: Эксмо, 2007. — 832 с.
5. Чудакова М. О. Жизнеописание Михаила Булгакова. — М.: Книга, 1988.
6. Галинская И. Л. Загадки известных книг. — М.: Наука, 1986. (О философских основах романа).
7. Яновская Л. М. Треугольник Воланда. — К.: Лыбидь, 1992.